

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИНИНА

ЗАБЛУДИВШАЯСЯ
МУЗА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован городской пейзаж
«Мойка, мост и отражение» (2017 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Вербинина, Валерия.
В31 Заблудившаяся муза / Валерия Вербинина. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. —
(Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-091400-5

Знаменитый композитор Дмитрий Иванович Чигринский считал себя человеком стойким к ударам судьбы, но убийство любимой женщины буквально подкосило его. Найдя Оленьку мертвой, он ужасно растерялся и никак не мог сообразить, как ему поступить. Позвать полицию? Но он первым окажется под подозрением, а журналисты радостно смешают его имя с грязью... Когда Чигринский пытался избавиться от тела своей любовницы, невольной свидетельницей этого стала Амалия Корф, бывший секретный агент русского императора. По какой-то причине она решила принять участие в судьбе бедного Чигринского и пообещала провести собственное расследование. Измученный композитор уже не знал, повезло ли ему или он окончательно погиб из-за того, что тем вечером ему встретила на Английской набережной баронесса Корф...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2018
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018

ISBN 978-5-04-091400-5

Глава 1

Пробуждение

Знаменитый композитор Дмитрий Иванович Чигринский проснулся утром с таким ощущением, словно ему следовало повеситься еще вчера. Однако вчера, судя по всему, дело не заладилось, и сегодня надо было начинать все сначала.

Он полежал в постели, прислушиваясь к себе, но внутри было глухо и сумеречно. Ни мелодии, ни намека на нее, ни одной музыкальной фразы. Склеп, мрачно помыслил Чигринский, склеп в отдаленном углу кладбища, куда даже не доносятся обрывки похоронных маршей. Все тут пришло в запустение, все мертво, как его душа, из которой ушла музыка. Произошло это около двух недель тому назад.

Да-с, именно так и никак иначе. Еще за день до того он был полон самых разнообразных замыслов и в голове порхали обрывки мотивов, привольные, как бабочки, танцующие в солнечном свете; и вот — не угодно ли — просыпаешься у себя в спальне, и вокруг все такое же, как и всегда, и на противоположной стене висит глупый пейзаж с глупым морем

❧ Валерия Вербинина ❧

и луной над ним, похожей на апельсин, — пейзаж, который он видит и сейчас, — и обстановка вокруг знакомая до боли, но настоящая-то боль впереди, потому что внезапно он осознает, что что-то не так. И пейзаж не тот, и спальня, и он сам, а все потому, что он больше не чувствует музыки. Ее нет, а стало быть, нет ни его самого, ни его дома, ни Невы, ни Петербурга. А если и есть, то все это неважно, потому что музыка — его музыка — умерла.

Вот так он проснулся недели две тому назад, и едва подумал о новых стихах поэта Алексея Нередина, к которым хотел сочинить мелодию, как с оторопью, переходящей в панику, осознал, что ничего у него не получится. Музыка больше нет, и что с ней стало — бог весть. И вернется ли, не вернется — совершенно непонятно. Одним словом, кончился композитор Чигринский. Баста. Каюк!

Обыкновенно Дмитрий Иванович смеялся над людьми, которые с томным видом уверяли, что их покинуло вдохновение и они больше не могут сочинить ни строчки. Ему всегда казалось, что это поза, призванная лишь оправдать собственную лень, а иногда — не слишком умело замаскированный шантаж, чтобы выжать из издателей побольше денег. Однако когда с ним самим приключилось это несчастье (а в том, что это именно несчастье, он больше не сомневался), он заметался и, во всяком случае, потерял всякое желание подтрунивать над другими.

Как-то вдруг выяснилось, что вдохновение — не комнатная собачка, которую позвали, и она уже бежит, виляя хвостом. Кроме того, выяснилось, что оно безжалостно, что оно не уходит даже, а исчезает, не оставив никакого знака, никакого указания на то, как его можно вернуть обратно. И самое обидное: было совершенно непонятно, чем Дмитрий Иванович мог заслужить такую немилость. Тщетно ломал он голову, пытаясь вспомнить нечто особенное, какие-то обстоятельства, из-за которых композиторский дар мог покинуть его...

Нет, он не выжимал из себя по сто модных мелодий в год — непосильная нагрузка, от которой выдохнется любое, даже самое изобретательное, вдохновение. И если он и пил, то вполне умеренно (дюжина шампанского на дне рождения Алешки Нередины не в счет, они друзья, а дни рождения друзей надо отмечать широко). Не было в жизни Чигринского и глупой отвлекающей страстишки, пылкой любви к какой-нибудь чаровнице с холодными глазами, которая пришила бы его сердце к шлейфу своего шелкового платья и валяла его в пыли. То есть любовь-то, в общем, была, но любовь — как бы выразиться поточнее — необременительная, согласная занимать то место, которое он ей давал, любовь, которая не требовала от него немислимых жертв и мирно уживалась с его призванием (тут он вспомнил голубые глаза Оленьки и улыбнулся). И не

был он болен, как Алешка, которого ни с того ни с сего сразила чахотка, и не случилось в его жизни ничего эдакого, после чего она покатилась бы в тартарары, сминая и уничтожая человеческую личность, как какую-нибудь бумажку. И вообще, ничего, *ничего* не изменилось по сравнению с теми счастливыми (он теперь ясно видел это) днями, когда он мог сочинять, и мелодий было столько, что они теснились в воображении и рвались наружу, словно торопясь обогнать друг друга.

Когда он только осознал свою беду, он думал, что случившееся — явление временное, и музыка куда-то отлучилась, чтобы вскоре вернуться. Но прошел день, потом другой, затем неделя, вторая, и Чигринский затосковал. Он блуждал по своему кабинету (двенадцать шагов по диагонали ковра туда, двенадцать шагов обратно), засунув руки в карманы потрепанного коричневого халата, в котором ходил дома, и с отчаянием понимал, что ничего, ну ничегошеньки не может поделать. Пианино, на котором он обычно сочинял свои мелодии, стояло темное и торжественное, как гроб, и композитору чудилось, что даже оно осуждает его.

Выдохся! выдохся! исписался, голубчик, исчерпал себя, улетела муза, или не муза, а как там ее... которая стоит за твоим плечом и водит пером, и весь мир кажется тогда по плечу (каков каламбур, а?).

Чигринский был натурой здоровой, и его никогда

не тянуло к самоубийству, но в эти дни, когда страшное слово — исписался — предстало перед ним во всем своем жутком величии, во всей омерзительной красе, он поймал себя на том, что чаще стал смотреть на пистолеты, которые, верный своей привычке, продолжал хранить у себя дома (в прошлом, до того, как стать любимцем публики и известным всей России композитором, Дмитрий Иванович был всего лишь гусарским офицером).

Оно, конечно, верно: жизнь есть непреходящая и величайшая ценность, но, если это жизнь Дмитрия Чигринского и из нее ушла музыка, на кой она ему сдалась?

Он заворочался в постели, пытаясь уловить хоть что-то, хоть какое-то подобие мелодии, рождающееся в воображении, но там все было пусто и скучно — ничего и никого. Ни ноты, ни отзвука, ни даже эха. И Чигринский с горечью подумал, что так, наверное, должна себя чувствовать сломанная шарманка.

Впрочем, шарманку еще можно починить, а кто починит его?

От таких мыслей впору было и в самом деле повеситься. Вот вам, пожалуйста: крепкий, здоровый, полный сил мужчина, пользующийся популярностью и даже (что бывает гораздо реже) уважением общества, всего в жизни добившийся сам, один из известнейших композиторов России — и, кстати, один из немногих, которого знают за границей. Денег у него

❧ Валерия Вербинина ❧

достаточно, женщины к нему льнут, и вообще все, все хорошо, только музыка, или муза, черт ее разберет, его покинула. И лежит он колодой на смятых простынях, смутно размышляя о том, что ему хочется лишь умереть и ничто абсолютно его не радует.

Поехать, что ли, к Дюссо (по старой памяти он хаживал в этот ресторан, любимый офицерами) и напиться так, чтобы чертям стало тошно? А смысл?

Поехать к Оленьке и утонуть в ее чудесных голубых глазах? А смысл?

Или отправиться на какой-нибудь званый вечер (он редко показывался на них, и оттого его жаждали заполучить к себе даже самые изысканные, самые аристократические салоны)? А смысл?

Вот и получалось, что без музыки ничто не имело смысла. Ну будет он ходить среди фраков и тренов как живой мертвец, и все будут думать, что он такой же, как все, и только ему будет ведомо, что на самом деле он больше не существует, а тот Дмитрий Иванович Чигринский, которым все восхищаются, — лишь миф, личина. Так, одна видимость.

От одной мысли об этом он почувствовал себя больным и поглубже зарылся в одеяло. Ничто его не радовало, ничто не могло утешить с тех пор, как его музыка ушла.

«Лучше бы я умер», — обреченно подумал он и чихнул.

Глава 2

Музыка и ее служители

— Прощка! — взревел Чигринский.

Чихнув еще раз, он нашарил на прикроватном столике колокольчик, опрокинул по пути что-то — кажется, стопку книг — и чертыхнулся по-гусарски крепко.

— Прощка! — заорал Чигринский, яростно звоня.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась узкая бледная физиономия с длинным носом, украшенным бородавкой. Это был Прохор Антипов, формально — слуга Дмитрия Ивановича, а по сути — его преданный раб, нянька и незаменимый помощник.

До того как попасть на службу к композитору, Прохор был регентом в каком-то захолустном углу обширной Российской империи и скорее всего там бы и окончил свои дни, но по воле providения его жизненный путь скрестился с дорогой Чигринского, скучавшего в имении своих знакомых по соседству. Разговорившись с сутулым, некрасивым, смешным человечком, который вечно вышагивал со связкой растрепанных нот под мышкой, Чигринский узнал, что тот очень любит музыку, а кроме того, имеет феноменальную память и практически абсолютный слух. Из-за этого, кстати, судьба сыграла с ним злую

❧ Валерия Вербинина ❧

шутку: он собирался жениться на дочке местного кузнеца, но, на беду, выяснил, что она не может отличить си от фа. Прохор сначала рассердился, потом возмутился и под конец объявил, что такая жена ему не нужна. Приводить жениха в чувство явился сам кузнец, известный тяжелой рукой и крутым нравом. Своей мощной дланью он ухватил тщедушного Антипова за бороденку, но тот, извиваясь аки ящерица, вырвался (очевидцы утверждали, что как ящерица оставляет врагу на память свой хвост, так и Прохору пришлось попрощаться с частью своей жидкой бороды) и заперся на колокольне, громко крича:

— Изыди, анафема!

— Спускайся, подлец! — кричал снизу кузнец, потрясая клочьями Прохоровой бороды, зажатыми в кулачище величиной с хорошую дыню.

— А вот и не спущусь! — отвечал сверху осмелевший Прохор. — Как же это можно — не уметь ноты различать? Ладно буквы, их тьма-тьмушая, но ноты!..

Слушая рассказ о злоключениях Прохора, которому кузнец с присовокуплением многочисленных бранных слов пообещал вправить мозги так, что он забудет не только ноты, но и свое собственное имя, Чигринский хохотал до того, что на глазах у него выступили слезы. А отсмеявшись, он без всяких околичностей предложил Прохору поступить к нему на службу.

— Ну, не знаю, не знаю, сударь, — забурчал тот,

сдвинув свои лохматые брови. — Вы лицо светское, а я не привыкши...

— Да ладно тебе, — махнул рукой Чигринский. — Ты же сам говорил, что твой хор — сплошное мучение, у половины нет голоса, а только старание. На одном старании далеко не уедешь... Впрочем, поступай как знаешь, — уже сердито добавил композитор, который терпеть не мог уламывать кого бы то ни было. — Хочешь, чтобы кузнец тебе в сумерках голову проломил, — твое дело...

Поразмыслив, Прохор признал справедливость слов Дмитрия Ивановича и уже на следующий день перенес к композитору свои вещи. Половину их составляли ноты и разные сочинения о музыке, большинство которых напечатали еще тогда, когда ни Прохора, ни Чигринского на свете не было.

— Ба, а вот эта книжка на латыни! — изумился Чигринский. — В руках рассыпается, но читать можно... Ты что, и латынь знаешь?

— Не знаю, — вздохнул Прохор, — ну а вдруг выучу? Прочитаю тогда, что умные люди о музыке-то написали... Заглавие видели? «De musicae mundi»¹, во как!

— По-моему, это какой-то философский трактат, — хмыкнул Чигринский, не без труда продравшись через несколько фраз текста. — Ладно, как прочитаешь, расскажешь, о чем там говорится...

¹ «О музыке мира» (лат.).

❧ Валерия Вербинина ❧

Он удалился, а через минуту Прохор сквозь неплотно притворенные двери расслышал, как его новый хозяин музицирует. Антипов застыл на месте, на его глазах выступили слезы, одна из которых потекла по длинному носу и докатилась до бородавки. Музыку Прохор обожал до чрезвычайности, а какой-нибудь особенно удачный пассаж мог и вовсе привести его в состояние, близкое к экстазу. Но, хотя мало кто так разбирался в музыке, как этот невзрачный рыжеватый человечек, таланта к сочинительству у Антипова не было. И, учуяв этот самый талант в Чигринском, бывший регент прилепился к нему всей своей восторженной душой.

Прохорово видение мира было предельно ясным: вселенная вертится вокруг Дмитрия Ивановича, а если в учебниках написано, что какие-то малозначительные планеты вращаются вокруг Солнца, то это недоразумение, которое простительно людям, в музыке не смыслящим. За короткое время новый слуга сделался положительно незаменим. Он разобрался с кредиторами, которые допекали Чигринского еще с гусарских времен, завел в доме ненавязчивый, но строгий порядок и, присмотревшись к друзьям и знакомым хозяина, рассортировал их по каким-то ему одному ведомым воображаемым полочкам. Он изловчился отваживать тех, которые только зря тратили время (и деньги) добродушного, расточительного композитора, и, наоборот, привечал тех, которые оказывали на Чигринского хорошее влия-

ние или были ему действительно необходимы. Кроме того, Прохор принимал многочисленных посетителей и частенько, едва перекинувшись с человеком парой слов, определял, кто действительно нуждается во внимании или в помощи, а кто явился лишь для того, чтобы вечером небрежно уронить в кругу приятелей: «Сегодня я навестил Дмитрия Ивановича... Какого Дмитрия Ивановича? Чигринского, разумеется... Да, который музыкант. Представьте, мы с ним давно знакомы...» — и далее расписывать историю знакомства, которая сильно озадачила бы самого композитора, который сегодня видел гостя первый раз в жизни. А еще бывали дамы, причем самые разные, от модисток до посланниц великих княжон, — тех, которые любили музыку Чигринского и считали своим долгом сообщить ему это через посредниц, являвшихся в обманчиво скромных нарядах.

— Ну что они все от меня хотят? — стонал композитор. — «Ах, как я люблю ваши песни, сколько в них поэзии, сколько чувства, сколько изящества!» И что? Я должен запрыгать от радости? Сойти с ума от счастья? И ведь хвалят-то обычно самые дурацкие, самые никчемные вещи, просто буквально: сел к роялю и, смеясь, записал между двумя трубками! А потом барышни друг у друга ноты вырывают, чуть ли не дерутся из-за них в магазинах...

Прохор слушал и смиренно кивал, но в глубине души был уверен, что хвалят совершенно правильно и что именно то, что, как казалось Чигринскому,